

Андрей Васильев

ДЕТСКИЙ МИР

Книга вторая. Воины на крайний случай

Детский мир

Андрей Васильев

**Детский мир. Книга вторая.
Воины на крайний случай**

«Автор»

2023

Васильев А.

Детский мир. Книга вторая. Воины на крайний случай /
А. Васильев — «Автор», 2023 — (Детский мир)

Недолгой была спокойная жизнь в колонии на далекой планете. Всего три года прошло с тех пор, как шестеро ребят победили безумных роботов и спасли от гибели тысячи людей. И вот уже новый враг хочет их уничтожить. Пришло время воинов, но коварный недуг не дает взрослым нести бремя войны. И на защиту своего мира встают дети.

© Васильев А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть первая. Уклонение от боя	5
Тени засыпающих	5
Задания на лето	8
В ожидании ветра	16
Призрак шахты	21
Последний из первых	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Андрей Васильев

Детский мир. Книга вторая.

Воины на крайний случай

Часть первая. Уклонение от боя

Тени засыпающих

Семь ярких точек на экране компьютера выстроились в слегка изогнутую линию, еще семь тусклее составили копию этой линии ниже.

– Это наложение семи снимков с нашего спутника, – сказал дежурный по космодрому. – С интервалом примерно в четыре часа каждый.

Командир обороны, потирая подбородок, мрачно разглядывал изображение на экране. Дежурный пробежался пальцами по клавиатуре пульта и четырнадцать точек на фоне звездного неба сменились на два расплывчатых пятна.

– А это они с максимальным увеличением, когда еще можно что-то разглядеть.

– На модульные звездолеты не похожи, – мрачно произнес командир.

– Может и гражданские стали такими делать?

– За пять лет поменяли планы и влили деньги в мирные проекты? Ты в это веришь? – командир вздохнул. – Нет, Морис, это военные корабли.

– А какие? Определить сможешь?

– Похожи на крейсер и эсминец. Крейсер большой, такие только у Альянса есть.

– Завтра утром они выйдут на орбиту вокруг Балии... Эх, закончилась наша вольная жизнь.

Дежурный тяжело вздохнул и обмяк в своем кресле, уронив голову на грудь.

– Да, к бою с ними мы не готовы, вызывай Председателя, – сказал командир, но ответа не получил.

Взглянув на потерявшего сознание Мориса, он тоже вздохнул и громко произнес:

– Дежурный-два, первый в отказе!

В тот же миг мальчик лет двенадцати, сидевший справа и сзади от дежурного, вскочил и откатил его кресло назад, а свое выкатил к пульта.

– Вызывай Председателя, – обратился к нему командир. – Пусть действует по плану «Гости». Прямо сейчас начинает.

Речь его вдруг стала замедляться:

– Командир... обороны-два... похоже... я скоро тоже...

Он не договорил. Тело его расслабилось, голова упала на грудь. Сидевший слева и сзади юноша повторил с его и своим креслом те же действия, что и мальчик, заменивший дежурного. Теперь они оба сидели за диспетчерским пультом космодрома.

Мальчик набрал на клавиатуре строчку букв и цифр. Из динамика пульта послышались длинные гудки, через несколько секунд они сменились изображением на экране пожилой женщины.

– Важема Председатель Высшего Совета, – обратился к ней мальчик. – Я – дежурный по космодрому-два, рядом со мной командир обороны-два. У нас срочные новости.

– Слушаю, – ответила женщина и нахмурилась.

– Наш спутник обнаружил крейсер и эсминец, кажется Альянса, – заговорил юноша, заменивший командира обороны. – Летят к Балии, завтра утром будут у нас. Командир-один перед гипнолом велел сказать, что нужно начинать действия по плану «Гости». Прямо сейчас.

Председатель молчала почти минуту и командир-два вынужден был обратиться к ней снова:

– Важема, всё в порядке? Вы меня слышали?

– Да, слышала, – женщина словно очнулась, но едва успела сказать: – Всё ясно, – как тут же без чувств откинулась на спинку кресла.

От экрана ее откатила юная девушка.

– Прет, Эрик... и тебе, малой, – обратилась она к ребятам. – Неужто всё так серьезно? Ошибки нет?

– Нет. Всё серьезно, – ответил Эрик. – Объявляй эвакуацию, у нас на всё меньше суток.

Девушка не ответила. Кусая губы и поглядывая вбок, она выглядела совершенно растерянной. Наконец, она неуверенно произнесла:

– Может, дождемся, когда моя первая проснется?

– Ты же видела, как она от волнения сразу вырубилась. Явный признак, что надолго. Сутки проспит, если не больше. И с нашими взрослыми то же самое.

– Но я никогда ее по таким серьезным делам не заменяла. Это не доклад на совещании завершить, когда она гипнолит.

– Я тоже обороной не командовал. И никто из запасных своих взрослых в боевой ситуации не заменял. Но мы ведь знали, что так может быть. Мы же к этому готовились.

– Эрик, я не сумею. Вальдари никогда надолго не засыпала, я была рядом всего лишь на всякий случай, очень редкий случай. Просто шла за ней, как тень, стояла за ней, как тень. Но никогда ничего не решала. Я просто тень...

Девушка сильно разволновалась:

– Мы не справимся! Мы ничего без них не сможем! Мы все только... их тени. Тени засыпающих...

– Аделия, возьми себя в руки! – крикнул Эрик. – Ты не тень, ты сейчас Председатель Высшего Совета Балии.

– Стоп! – глаза у девушки засияли. – Точно, я Председатель. А есть еще и заместитель. Подожди минутку, я с ним поговорю.

– Что ж, поговори. Но я уверен, что он тоже уйдет на сон. Слишком событие шоковое. Экран погас. Дежурный-два взглянул на Эрика.

– Что-то неважный из нее командир замены.

– Тебя как звать-то?

– Реми. Можно Рэм.

– Так вот, Рэм, я Аделию знаю с детства. Друг на дружку глядели, когда нас еще матери пеленали. Ты не смотри, что она нервзит. Это у нее первую минуту всегда так, когда неожиданно. Сейчас в себя придет, не узнаешь.

– Ладно, подождем, – пробурчал Рэм, скептически нахмутив брови.

Минуты три оба молчали, напряженно глядя на темный экран.

– А если Аделия права, – заговорил Рэм, – и мы в самом деле без взрослых не справимся?

– Зачем о плохом думать? – сказал Эрик.

Рэм со злостью стукнул кулаком по подлокотнику.

– Мрак заberi эту гипнолессию! Как все радовались, когда из Хранилища вышли. И вот те на.

– Тебе сколько тогда было?

– Девять.

– А мне тринадцать с половиной. На полгода бы старше был и сейчас тоже спал бы где ни попадя. Иногда сонливость и на меня накатывает.

– Справляешься?

– Более-менее.

Эрик взглянул на свой тайм-браслет.

– Что-то долго Аделия с зампредом говорит.

– Может и тебе со своим замом-один всё обмозговать?

– Да, пожалуй, стоит, – согласился Эрик. – Вдруг что успеет посоветовать, пока не на сне.

Он потыкал в клавиатуру, из динамика пульта зачастили короткие гудки. Эрик нажал «сброс вызова» и недовольно поморщился.

– А эвакуировать куда будут? – спросил Рэм.

– Секрет.

– Тоже мне секрет. Ясно, что в шахту. Только в какую: старую или новую?

– Ну, ты... – Эрик поперхнулся от удивления. – Что-то слишком умный для своих двенадцати... А может мы пещеры в Высоких горах нашли?

– Для восьми тысяч человек? Ври кому другому.

– Капец! Вот где разведаналитик пропадает.

– А переносить стражи будут? Могут не успеть.

– Это почему?

– Столько народу зараз на улицах. Взрослые разволнуются, загипнолят, придется их нести. А это время.

– Не загипнолят, если всё по плану сделаем.

Эрик нажал на клавиатуре повтор вызова. После двух длинных гудков из динамика послышался заглушаемый гулом двигателей голос:

– Заместитель-два командира обороны. Слушаю. Первый в гипноле.

– Вадим, прет, это Эрик.

– Итепрет. Ничего себе новость – корабли Альянса.

– Откуда знаешь? – удивился Эрик.

– Мэтт только что сказал. Я всего на минуту вышел, прихожу – мой первый замер, мобик на полу, из него Мэтт меня зовет. Прикинь, его зампред тоже ушел в гипнол, как только Дели ему позвонила. Во жсть, все первые на сне! Мы что, сами будем план «Гости» выполнять?

– Плохо слышно. Ты в ротаплане что ли?

– Ага, с новой сменой в Соленую пустошь летим.

– А чего это вы с ними? Вы же оборонщики.

– Лизун возле промысла объявился. Отогнать хотим, пока на рабочих не напал.

– Ясно. Вот что, скажи новой смене про корабли прямо сейчас, чтобы на сон в ротаплане ушли. А прилетишь, старую смену в грузовой отсек пригласи, как бы на совещание, а то их таскать придется, если снаружи скажешь. И сразу же возвращайся. Кроме тебя еще дети на борту есть?

– Малой один, пилот замены.

– Придется вам вдвоем справляться. Добытую соль не бери, и так с перегрузом полетите.

– Да это понятно. Что потом?

– Жду тебя в Арсенале, там всё обсудим. Удачи.

Эрик нажал кнопку отключения. На пульте тут же запищал зуммер вызова. Оживший экран показал уже другое лицо Председателя-два Высшего Совета Балии – сосредоточенное и решительное.

– Эрик, начинаем действовать по плану «Гости», – твердым голосом сказала Аделия. – Без взрослых.

Задания на лето

Наблюдать за всем из скоростного катера не то же самое, что из ротаплана. Во-первых, высота. На ротаплане выше двух километров летать опасно, а на катере можно подняться почти до границы космоса. Но даже в пяти километрах от земли горизонт уже раздвигается настолько, что за проливом можно разглядеть Гнутые острова, а на востоке видны все вершины Высоких гор.

Во-вторых, у катера скорость раза в три больше. И если смотреть вперед, дух захватывает от стремительно летящих навстречу облаков. А когда вместо них перед глазами вдруг вырастают горные кручи, то становится даже страшно.

– Выше, выше! – вскрикнула Ива. – Мы же врежемся!

Зуб, сидевший в кресле пилота, снисходительно улыбнулся.

– Успокойся, это только так кажется. Мы над перевалом пойдем, между вершин.

– Ты бы всё же сбавил скорость. Для общего спокойствия, – попросил Слип из соседнего кресла.

– Ладно, – согласился Зуб, и катер полетел медленней.

Вместе с ним в кабине находились и остальные ребята из той шестерки, что три года назад спасла тысячи людей, обреченных на гибель из-за сбоя в программе роботов-полицейских.

Год, когда они жили в пещере, скрываясь от обезумевших машин, в летописи Балии назвали Временем Шестерых. А день спасения людей стал Днем освобождения. Освобождения не только от власти роботов-стражей, но и от власти Наилучших. Они стали обычными членами общества и, хоть и негодую втайне, всё же вынуждены были с этим смириться. А колонией с той поры руководил Высший Совет, избираемый всем ее взрослым населением. И не только взрослым.

Годовой гиперсон в Хранилище сказался негативно на всех, кому в момент засыпания было больше четырнадцати лет. Вскоре после пробуждения у них появилась гипнолепсия – они могли внезапно заснуть даже днем. Даже стоя или на ходу. Обычно всего на несколько минут, но иногда их сон мог длиться и несколько часов. Чаще всего это случалось от сильного волнения.

И на время такого сна многие дети уже с двенадцати лет заменяли их на особо важных рабочих местах. А раз работали они как взрослые, то и участвовать в выборах как взрослые тоже могли. И даже избирались на временную замену по выборным должностям.

Постепенно и засыпающие взрослые, и заменявшие их дети к такой жизни привыкли. Компания в это время себя никак не проявляла. Не прилетали ее корабли, не приходили по волне деформации пространства капсулы варп-сообщений.

Колонистов это несколько не огорчало. Обособленная жизнь позволяла им сохранить от посягательств нахлебников всех мастей свое маленькое, но, наконец-то, справедливое общество, где каждый сколько поработал, столько и поимел.

А детей от необходимости работать, как прежде, освободили. Ребята учились в школе и лишь некоторые в свободное от учебы время по очереди дежурили возле взрослых, готовые заменить их там, где это было крайне необходимо.

Зато в каникулы им хватало времени и просто на отдых, особенно после того, как выполнен летнее домашнее задание. Как раз из-за такого задания и летели ребята на катере к Восточному заливу. Вернее, для этого летела Ива – ей поручили описать его подводную флору и фауну. Она решила не только описать, но и заснять. Слип вызвался ей в этом помочь, Зуб – доставить до места, а остальные полетели за компанию, собираясь как следует искупаться и позагорать.

Ребята подросли и часто уже звали друг друга по именам, а не по игровым прозвищам. Белка и Джем в разговорах теперь почти всегда были Аня и Тим, Зуба на Алекса тоже заменяли, но реже, а Ива и Мила и так были Ивой и Милой. Только Скип почему-то не любил, когда его называли по имени, и лишь от Ивы благосклонно принимал обращения Миха или Миш.

Сейчас он тоже был недоволен, но по другой причине – высотный катер Зубу разрешили взять лишь до обеда и, чтобы слетать к Восточному заливу, выполнить там задание и успеть вернуться, всем им пришлось вставать очень рано. Скип не выспался, а поспать он любил. И, поскольку окружающие красоты его интересовали мало, уже через десять минут после взлета он задремал в своем кресле. Наверно, так бы он и проспал всю дорогу, но крик Ивы, испугавшейся близких гор, его разбудил.

Скип попытался было уснуть снова, но Ива ему опять помешала.

– Смотрите, что это?! – вскрикнула она и указала на склон приближавшейся горы. – Неужто скаты?

– Точно, они! – обрадовался Зуб. – Вот повезло – целую стаю на лежище застали. Ива, снимай, это поинтересней твоего задания. Сейчас попробую к ним поближе подлететь.

– Не спугни, – предостерег его Тим.

Ива достала видеокамеру и стала снимать зеленые полотнища, будто наклеенные на крутом скалистом склоне. Но, видимо, Зуб не был достаточно осторожен. Сначала один скат изогнулся и подпрыгнул, а за ним как по команде то же сделали остальные. Взмахивая краями плоских ромбических тел, вся стая устремилась ввысь.

– Снимай, снимай! – азартно крикнул Зуб. – Сейчас вон того молодого догоню, послабже других.

Он задрал нос катера вверх и ринулся в погоню. Уже через пару секунд ребята поравнялись со скатом, но тот, сжавшись в комок, резко ушел вниз. Зуб в долгу не остался и бросил катер вслед удиравшему летуну, но Ива жестко остудила его охотничий пыл:

– Хватит его мучить!

– Я не мучаю.

– Ну, пугать, не всё ли равно. Оставь его в покое, пусть себе летит.

– Как скажешь, – Зуб не стал дальше преследовать ската, снова взмывшего вверх, и выровнял полет катера.

– Классный материал, – сказала Мила, глядя на экран видеокамеры с повтором заснятых кадров. – Ивка, а ты задание себе сменить не можешь? Стратосферные скаты – это вещь!

– Не могу. Но я это видео приложу к домашнему заданию, когда их изучать будем.

– Тебе изучать? – усмехнулся Тим. – Ты и так всё про них знаешь. Можешь хоть сейчас эту домашку написать.

– Она и про животных залива всё знает, – сказала Аня. – Но одно дело – знать, а другое – самой всё увидеть и заснять. За видео оценка точно будет высокая.

– Вот мы и увидим, – сказал Скип.

Спустя десять минут горы остались позади, и перед ними изогнулся крутой дугой берег Восточного залива. Зуб посадил катер на его южной пологой стороне, желтевшей мелким песком. Скинув верхнюю одежду, ребята выгрузили дронборды и положили их доски на воду.

– Ну что, помчали? – сказал Скип, вставая на свою доску. – Спорнём, я первый. На раз-два.

– Смотри шлем свой не потеряй, – весело ответил ему Тим.

– Не потеряю, не надейся, – Скип поправил на голове жаброшлем и хлопнул по браслету-пульту.

Его дрон взмыл в воздух и полетел в сторону островков на границе мелководья, таща за собой доску, привязанную к нему веревкой. Держась за нее одной рукой, другой Скип шуточно-

издевательски помахал ребятам, оставшимся на берегу, как бы прощаясь с ними. Те, впрочем, задержались ненадолго и, подняв в воздух свои дроны, бросились его догонять.

Шесть досок наперегонки скользили по спокойной утренней воде, морща ее заостренными носами. Слип похвастался не зря – среди ребят он считался лучшим по дронбордингу и, как и обещал, добрался до самого большого из островков первым. Хотя назвать большим этот островок размером в десять метров от края и до края можно было лишь в сравнении с другими островками поблизости, которые представляли собой просто камни, торчавшие из воды.

Оставив на нем свои дронборды, ребята тут же попрыгали в воду. Ива и Слип в жаброшлемах сразу же направились к границе светло-голубого мелководья, за которой густой синевой помечала себя километровая океанская бездна. Там они надеялись увидеть и заснять представителей обоих миров – мира прибрежного, пронизанного солнечным светом, и мира глубины, пугающе темного и неизведанного. Впрочем, крупные хищники здесь, к счастью, не водились, и этой темноты Ива и Слип совсем не боялись.

А остальные ребята принялись шумно плескаться у островка. Вволю нарезвившись, они вылезли из воды и разлеглись на нагретом камне.

– Как жаль, что каникулы кончаются, – сказала Мила и грустно вздохнула. – Уже тридцать третье августа. Послезавтра первое сентября, снова в школу.

– Вам всего год осталось учиться, не то что мне и Тиму, – сказала Аня. – Радоваться надо, а не вздыхать.

– Чему радоваться? Весь год мысли только о выпускных экзаменах будут. Ива вон биологию назубок знает, по математике тоже ничего. А я что?

– А ты химию должна назубок знать, – сказал Тим. – Как никак медсестра-два отделения токсикологии.

– Скажешь тоже. Яды и противоядия – это тебе не химия, а только ее малая часть. И про эту часть на экзамене точно не спросят. Не-а, я точно всё завалю, а вот Ива справится. Она же почти отличница.

– Отличница, а про свое летнее задание только сейчас вспомнила, – вставил Зуб.

– Ты тоже до конца лета дотянул, – сказал Тим.

– Так ведь мне нужно было прибор изобрести, да еще и сделать его. Всё лето на это ушло. А Иве что мешало взять на денек камеру да слетать сюда?

– Она без Слива боялась глубоко нырять, – пояснила Мила. – А он всё лето в тренировочном лагере пробыл.

– Ее никто не заставлял на глубину лезть, – сказал Зуб. – Сама себе задание усложнила. Он озабоченно взглянул в сторону океана.

– Что-то они долго.

– Может, что интересное увидели? – предположила Мила.

– Что именно?

– Ну, не знаю. Какое-нибудь неизвестное диковинное создание.

– Нет там никаких неизвестных созданий. Все давно известны... Хотя, – Зуб пожал плечами. – Разве что Слипу снова кто-то привиделся.

– А кого он еще видел? – заинтересовался Тим.

– Он что, вам не рассказывал? Только мне? – Зуб усмехнулся. – Призрака шахты он видел вот кого, Хмурого Сэма.

– Не может быть?! – Тим даже вскочил от удивления.

– Говорит, что видел. Два дня назад летнее задание делал. Надо было ему описать устройство шахты и расположение рудного тела. Вот и остался он там в ночную смену, чтобы никому не мешать – ночью ведь только в основном забое работы ведут.

Мужики там и грохочут, а Слип в дальний штрек ушел. Сидит в выемке у стены, прожилки на рудном пласте зарисовывает. И всё ему хорошо видно – в поперечном просеке, куда

штрек выходит, свеча светит – ее шахтеры рядом с подношением для Хмурого Сэма оставили. Он без свечи вроде как не забирает.

Так вот, сидит он, рисует и вдруг замечает – света вроде прибавилось. Глянул на свечу, а возле нее человек стоит. В почти истлевшей шахтерской робе и с расколотой каской на голове. Человек бы и человек, да только лицо и руки у него зеленым светятся. Поднял он пакет с едой, для Сэма оставленный, и дальше пошел.

– А Скип?

– А Скип плюнул от страха на все рисунки и дёру оттуда дал.

– Может, кто-то шутит? Под призрака вырядился, чтобы еду забирать, – неуверенно высказалась Мила.

– Вот и я так думаю. А Скип верит, что это был Хмурый Сэм.

– А откуда там этот призрак? – спросила Аня. – Я ничего о нем не слышала.

– Это одно из шахтерских поверий. Был тут семь лет назад один шахтер – из второй экспедиции. И случилась в шахте авария – порода обрушилась. Ладно бы нескольких человек завалило, тогда бы точно стали откапывать, а так только его одного, да еще и не в основном забое, а в коротком боковом штреке. В общем, начальник настоял, чтобы всё оставили, как есть – мол погиб шахтер и погиб. А на третий день друг Сэма к завалу пришел, память его почтить. И вдруг слышит: стуки из-под камней и стоны будто бы.

– Живой?! – встрепелась Аня.

– Так и подумали. Собрались шахтеры, решили самовольно завал разбирать, без разрешения начальства. Узкий лаз проделали, друг Сэма последние камни из него вынул и за завал прополз. И минуты не прошло, как он вернулся. Вылез, глаза круглые, зубами от страха стучит и волосы все седые. А в руках громадный самородок держит. Потом узнали, что это иридий был – очень дорогой металл, а куском еще дороже.

– Откуда там иридий взялся? – удивилась Аня. – У нас же литиевую руду добывают.

– Ты дальше слушай. Друг Сэма, как в себя немного пришел, велел лаз обратно завалить. Сказал, что следующего, кто туда полезет, смерть ждет. Еле добились от него подробного рассказа. А было так. Когда он последние камни из лаза отвалил и голову по ту сторону завала просунул, сразу Сэма увидел. Сидит тот, каской легонько по камню стучит и тихо стоит. Одежда на нем вся истлела, а лицо и руки зеленым светятся.

И говорит он ему: «Долго же вы меня спасать собирались. Не знаю, смогу вас за это простить или нет. Разве что задобрить как-то сможете. А могилу мою еще кто потревожит – умрет. Тебя я, так и быть, прощаю. За то, что всё же обо мне вспомнил и первым сюда полез. А за всё, что ты мне хорошего раньше делал, даже награжу. Только в шахту больше не лезь».

Встал он и в руках у него самородок из пустоты возник. Положил он его прямо перед лицом друга и обратно пошел. Но не сел, как прежде, а сквозь камень просочился... Вот с тех пор шахтеры и оставляют в штреках еду для Сэма, чтобы не злился на них и несчастья не насылал.

– А почему он Хмурый? – спросила Аня.

– Так видели его таким. А ты думала, Скип его первым обнаружил? Не-а, кое-кто с ним даже лицом к лицу сталкивался, он им навстречу шел. Они от страха дорогу уступали, а Сэм, не глядя на них, мимо проходил. И лицо у него всегда было недовольное, хмурое. Так они говорили.

– Да-а, интересная история, – задумчиво произнесла Аня. – А может это галлюцинация? От подземных газов, например.

– Я думаю, рассказы всё это, сказки, – сказал Зуб. – Про раскопки завала, про встречи с Сэмом, про исчезающую еду для него. Просто тырит ее кто-то, или живность шахтная съедает.

– И про самородок сказки?

– И про него.

– А с другом Сэма что потом было?

– Что было? Отвалили ему бешеные деньги за самородок и на буксире третьей экспедиции он улетел. Говорили, что купил у землян место на Элдоре и поселился там. Да только ведь не проверишь. Вот такой у этой сказки конец.

– А вдруг это не сказка? – засомневалась Мила.

– Да точно сказка. Шахтеры любят друг друга разыгрывать, истории разные для этого сочиняют. Молодым да легковверным их втюхивают ради развлечения, а потом уже и сами в них верят. Вот Скипа возьми – верит. Потому что шахтер, хоть и бывший. Ты его попроси, он еще не то тебе расскажет.

– А что именно? – спросила Аня.

– Ну, например, про Тоннель безумия. Только меня не спрашивай, он про него больше знает.

Ребята замолчали. Зуб отдыхал от непривычного для него многословия, остальные размышляли над его рассказом.

– А вот интересно, все рассказы про Элдору – это тоже сказки или всё же правда? – задумчиво произнесла Мила.

– Наверняка тоже сказки, – сказал Зуб.

– А я считаю, что нет, – возразил ему Тим.

– Ты хоть одного видел, кто туда слетал, вернулся и рассказал, как там всё чудесно-чудесно?

– А зачем оттуда возвращаться?

– Да хотя бы пепел предков встряхнуть в День памяти.

– Можно его и с собой взять. Залы упокоения на Элдоре наверняка тоже есть.

– Ты уверен? У землян ведь обычаи другие. Ну, хорошо, пусть обратно никто не прилетает, даже в гости. Но ты слышал, чтобы кто-то из родственников и друзей улетевших сообщение от них получил?

– Отправить варп-капсулу бешеных денег стоит.

– И что? Многие даже после покупки места на Элдоре богачами остались. А может всё дело проще? Что если хитрые земляне огромные деньги с дураков за мечту берут, а отправляют их не на волшебную планету с дружелюбной природой, а в зараженную радиацией пустыню, откуда возврата нет? Чтобы никто их обман не раскрыл.

– Не-е, не может быть, чтобы земляне были такими подлыми, – неуверенно произнес Тим.

– А чем они лучше Компании? Да вообще, любой из Корпораций?

Разговор прервал громкий плеск. Над водой показались головы Ивы и Скипа. Слип вынул загубник жаброшлема и крикнул:

– Зуб, гони на берег, катер нужен!

– Чего это вдруг? – удивился Зуб.

– Мы камень нашли, надо его тросом подцепить.

– У вас задание было по живой природе, вы чего неживой занялись?

– Камень очень странный – правильной формы. На семечку солнцегляда похож, только очень гладкий.

– Ну и что? Таких голышей на дне навалом лежит, особенно в зоне прибоя.

– С двумя дырками?

– Ну... и с двумя, наверно, можно найти, – менее уверенно произнес Зуб.

– Поперек друг другу?

– Поперек? ... Да, это как-то...

– И не лежит он в зоне прибоя, а будто воткнут в склон. Прямо над бездной, метров двадцать вниз.

– Всё, жди, я за катером, – наконец согласился Зуб.

Последний аргумент убедил его в том, что Скип и Ива нашли действительно что-то необычное. Он быстро разложил свой дронборд и рванул к берегу.

Ива вылезла из воды и стала показывать отснятое видео с камнем, а Скип остался на месте. Через десять минут катер завис возле островка, в его днище открылся люк и к воде опустился трос грузовой лебедки с крюком. Зуб выглянул из окна кабины и крикнул Скипу:

– Меня тут уже двадцать минут по рации вызывают. Наверно, катер срочно понадобился. Я пока не ответил, но давай уж побыстрей ваш камень вытащим.

Быстро поднять камень не получилось. Он засел в грунте основательно, а дать Зубу команду тянуть его тросом Скип не решился – побоялся, что или трос порвется, или камень разломится. Пришлось ему расшатывать его руками.

После всех усилий метровой длины камень наконец-то повис под днищем катера, а усталый Скип последним из ребят забрался в кабину. Он даже просохнуть как следует не успел – Зуб всё же ответил на вызов диспетчера аэродрома и получил строгое указание немедленно возвращаться.

– Что за спешка, не сказали? – спросил Скип, как только катер помчал их в обратный путь.

– Срочный рейс, куда – узнаю по прибытии.

– А с камнем что будем делать?

– На школьном дворе оставим, по пути. А первого сентября придем – учителю физики покажем. Наверняка он знает, как природа такую форму сделала.

– И химичке тоже, – добавил Тим. – Расскажет, что это за минерал.

– А вдруг это метеорит? – предположил Скип.

– Метеориты правильной формы не бывают, – возразила Аня.

– Тогда почему он так прочно в грунте завяз, и торчит из него, будто летел и вонзился?

– Не знаю, – пожала плечами Аня. – Тайна.

– Ничего, мы эту тайну обязательно раскроем.

– Слушай, а расскажи нам про Тоннель безумия, – попросила Мила. – Это тоже какая-то тайна?

Скип поморщился.

– Зуб проболтался, да? И про мою встречу с Сэмом? Ну уж нет, он смеялся, теперь еще и вы будете. Мне это зачем?

– Мы не будем смеяться, честное слово, – сказала Аня. – Ведь так? – обвела она взглядом ребят.

– Не будем, честно, – ответил за всех Тим.

Скип несколько секунд в сомнении тер подбородок, а потом согласился:

– Ладно, слушайте... Есть у моего отца приятель, сменный мастер. Соседями на Марсе были, только он сюда раньше прилетел, с первой экспедицией. Так вот, сидел он как-то у нас, отмечал с отцом какую-то памятную дату, а я уроки учил и все их разговоры на кухне слышал. И вот наотмечался мастер до того, что слюни и слезы пустил и на откровенность его пробило. Вдруг возьми и скажи отцу, что он когда-то жизни человеческие сгубил – в Тоннель безумия шахтеров отправил.

– В шахте вроде не тоннели, а штреки, орты и просеки, – показал свои знания Тим.

– Да ему эти названия побоку. Он на Луне когда-то тоннель под колонию бурил, вот с тех пор у него и в шахте одни только тоннели.

– Тим, не перебивай, – недовольно воскликнула Мила, – Скип, давай дальше.

– Ну так вот, – продолжил Скип, – рассказал он, что был в старой шахте тоннель, бригада там работала – руду рубила да вперед потихоньку продвигалась. И как-то в одну из смен вдруг

все оттуда прибегают. Глаза выпученные, ничего толком сказать не могут. Лишь твердят, что одежда на них живая и что море их утопить пришло. Мастер на них наорал – чего, говорит, вы там пили-жевали, что вам всякая ерунда мерещится. Велел им назад идти. А они ни в какую. Никто вернуться туда не захотел.

Отправил тогда мастер других людей. И вот смена уже закончилась, а их всё нет. Ждал он, ждал и пошел к тоннелю – узнать, что шахтеров задержало. Пришел, а входа в него нет. На том месте камень нетронутый. Подумал он, что местом ошибся. Всё вокруг обошел... И не нашел. Исчез тоннель, словно никогда и не было... Вот так-то.

– Сказка. Пьяный бред, – подытожил Зуб рассказ Скипа. – Столько людей пропало, а об этом только он знает.

– Так вернулись все, кто на Марс, кто на Луну. В первой экспедиции шахтеры на вахте были, а не на постоянном поселении, как сейчас. Из тех, кто тогда был, только этот мастер и остался.

– А чего он вдруг стал эту историю твоему отцу рассказывать? – спросил Тим.

– Спор у них вышел. Отец сказал: «В новом забое руда богаче. Сразу надо было ее там добывать». А мастер ему в ответ: «Нельзя забой в сторону моря вести. Попомни мои слова, если не прекратим – еще один Тоннель безумия выроем». Вот после этих слов он про него и рассказал.

Скип умолк. Остальные ребята тоже замолчали, обдумывая еще одну услышанную ими историю и гадая, что в ней правда, а что ложь. Кроме Зуба. Он был уверен, что обе легенды – чистейший вымысел, и думал только о том, зачем так срочно понадобился на аэродроме.

Катер тем временем миновал Высокие горы и приближался к Каменной змее – невысокой горной гряде к востоку от Города. За ней уже виднелись терриконы новой и старой городских шахт.

– Скип, а ты в каком штреке Хмурого Сэма видел? – спросил Тим.

– В самом дальнем.

– В новой шахте?

– Конечно в новой.

– И в какую сторону дальнем?

– У сбойки со старой шахтой... А ты зачем спрашиваешь?

– Выследить его хочет, – усмехнулся Зуб.

Скип удивленно взглянул на Тима.

– Серьезно? Тогда очень сильно не советую.

– Это почему? – спросил Тим.

– Потому что Сэм тебя почует, как ты не скрывайся, но виду не подаст. Приведет за собой в тупиковый штрек и сквозь камень пройдет. А позади тебя нетронутая порода вмиг появится. И станет эта каменная ловушка твоей могилой. Кто за Сэмом следить пробовал, все так сгнули.

– А ты откуда это знаешь? – подловил Скипа Зуб. – Рядом с этим штреком стоял? И кто именно сгинул? Имена назовешь?

Скип насупился и обиженно пробурчал:

– Умный очень, да? Так вот, умник, отвечу. За теми, кто следил, тоже следили – изда-лека. И видели, как те будто бы в боковой проход сворачивали. Но когда ближе подходили, оказывалось, что никакого прохода там нет, сплошная каменная стена. Вот так-то... А имена у шахтеров спроси. Я не интересовался.

Скип хмыкнул и, покосившись на Зуба, угрюмо добавил:

– Он думает, что меня поймал... Что он первый такие вопросы задает.

– Ну чего ты взъерошился? Я же просто так, – примирительно сказал Зуб. – Знаешь ведь – я не поверю, пока сам не увижу или пока железных доказательств не будет.

– Тебе каких доказательств надо? – рассердился Скип. – Чтобы Тим пошел туда и пропал?

– Он не пойдет, – Зуб взглянул на Тима. – Он понимает, что разоблаченные мошенники бывают очень опасны. Ведь понимает? ... Тим...

– Да понимаю я, – поморщившись, ответил Тим.

– Вот и хорошо, – успокоившись, произнес Зуб. – Выбрось эту затею из головы и лучше одно полезное дело сделай.

– Какое?

– Помоги мне летнее задание доделать. Видишь, меня вызывают. Может я и до завтра не освобожусь. А сильный ветер только сегодня будет, после обеда. Завтра уже по прогнозу тихо, погода на дожди сменится.

– А причем здесь ветер? – удивился Тим.

– От него в Мрачном лесу деревья будут качаться. Скрипеть, страх наводить. А мой прибор должен от этого страха избавлять.

– Так он для этого? Ничего себе, – восхищенно воскликнул Тим. – И думаешь, будет работать?

– А почему бы и нет? Принцип противофазного гашения колебаний никто не отменял. Но его испытать надо. А до начала учебы сделать это можно только сегодня... Так как, поможешь?

– Конечно, помогу. Самому интересно. Давай тогда по пути меня и высади... Только на краю леса... на всякий случай.

– Можно и я с тобой? – попросила Аня. – Мне тоже интересно.

– Давай, если не боишься.

Спустя десять минут катер миновал Каменную змею, и Зуб высадил Тима и Аню на опушке Мрачного леса. Ива и Мила отдали им пакеты с припасенной для перекуса едой, которая так и не пригодилась, а Зуб вручил свой прибор и рассказал, как им пользоваться. Ребята попрощались. Тим и Аня помахали руками взмывающему ввысь катеру и, когда его силуэт превратился в далекую точку, улеглись возле крылолиста ожидать обещанного ветра.

В ожидании ветра

Пролежав всего минуту, Тим сел, вынул из рюкзака прибор, который предстояло испытать, и внимательно его осмотрел. Прибор помещался в пластиковой коробке от пилотской аптечки. В ее крышке была прорезана большая круглая дыра, закрытая гибкой стальной пластиной.

Тим осторожно надавил на пластину пальцем и задумчиво произнес:

– Аня, ты же физику хорошо знаешь, даже сверх школьной программы. Зуб мне чего-то про прибор объяснял, а я всё равно ничего не понял. Что это за противофазное гашение колебаний, от которого он работает?

– Ну, это когда что-то в одну сторону движется, а что-то в обратную. Крылолисты когда на ветру качаются, их стволы гнутся. Кора на них то растягивается, то сжимается. От этого колебания воздуха возникают – инфразвуковые волны. Их не слышишь, но чувствуешь.

– Страшно становится.

– Ага. А прибор, наверно, такие же волны гонит, только в другую сторону. Когда от деревьев воздух к нам движется, из прибора от нас и наоборот. И там, где прибор, эти движения друг друга останавливают. Нет там никакого движения, никаких волн.

– И нет страха? Здорово! – Тим задумчиво наморщил лоб. – А что если его без ветра включить?

– Тогда «волны страха» из прибора пойдут. Как от деревьев.

– Так ведь это же оружие! – радостно воскликнул Тим. – Вернее, пугалка. От хищников. С ним можно ночью без страха ходить.

– Как это без страха? Вот голова два уха. А на тебя он разве действовать не будет?

– А, ну да... Забыл, – Тим почесал в затылке. – Но всё равно. На крайний случай сойдет, чтобы отбиться.

Тим сунул прибор обратно в рюкзак и улегся на землю.

– А вот интересно, как Зуб до такого додумался? – произнес он, задумчиво глядя в небо.

– Его, наверно, мой рассказ надоумил. Как я от этого страха в лайнере пряталась.

– В трубе вентиляции? Помню. Но почему там у тебя страх пропадал, я так и не понял.

– А там инфразвук от конца трубы отражался. И где-то сам себя усиливал, а где-то ослаблял. Стоячие волны называются. Только я тогда ничего этого не знала. Просто по привычке спряталась в трубу и случайно нашла в ней место, где было не страшно.

– Зато сейчас ты больше меня знаешь, – сказал Тим. – Даже как звук в вентиляции отражается.

– Инфразвук, – Аня улыбнулась. – Звук у тебя во флейте. Но тоже в ней отражается.

– Во флейте?

Тим достал из кармана хэба свою тростяную флейту и скользнул пальцем по вырезанным в ней отверстиям.

– Звук из-за этого меняется, когда я на ней дырки закрываю?

– Из-за этого... Вообще-то в твоём классе колебания уже изучают. Если бы ты хорошо учился, то и сам бы всё знал.

– Я стараюсь. Но ничего не запоминаю.

– Ты просто не хочешь.

– Может быть... Меня к наукам не тянет. Я хочу музыку сочинять... И играть.

Тим заиграл на флейте веселую мелодию. Аня повернулась к нему и с восхищением наблюдала, как его пальцы стремительно закрывают и открывают на ней дырки.

– Здорово, – сказала она, когда Тим закончил играть. – Это ты сочинил?

– Я... И еще многое другое, – Тим вздохнул. – Только это всё зря.

– Что зря?

– Ну, сочинять, играть. Бесполезный труд.

– Как это бесполезный?! – Аня даже подскочила от возмущения. – Очень полезный! Кто тебя слушал, всем нравится.

– И что с того? Я же не могу громко играть. Только для нескольких человек – кто рядом. И чтобы всем хотя бы одну мелодию сыграть, целый год потребуется. А я хочу для всех и сразу. И не одну, а много мелодий.

Тим снова вздохнул.

– Но так не получится. Чтобы сразу много людей музыку услышали, надо много музыкантов вместе собрать. Тогда громко будет и всем слышно. Это «оркестр» называется. И еще с разными инструментами, тогда мелодии красивее звучат. И еще зал нужен большой, чтобы всех людей вместить. Мне про всё это учительница по культуре сказала. А она бывшая Наилучшая – знает, что говорит... Но ничего этого нет и не будет... Так что всё зря.

С полминуты Аня смотрела на Тима, нахмутив брови, затем снова легла и долго молчала, глядя в небо. А потом вдруг уверенно заявила:

– Будет у тебя оркестр. И залы будут. На всех планетах твою флейту услышат.

– Так уж и на всех? – скептически усмехнулся Тим.

В слова Ани он, конечно, не верил, но помечтать о своем несбыточном будущем был не против. А она, казалось, совсем не шутила:

– Конечно, на всех. Вот увидишь. Всех людей твоя игра восхитит. И все твои мелодии прозвучат.

Тим ненадолго задумался, а потом тихо произнес:

– Кроме этой.

И заиграл медленную, печальную мелодию.

– Красивая, – оценила ее Аня, когда смолкла последняя нота. – А я помню. Ты ее на Бородатой скале играл. А после почему-то ни разу.

– Потому что она... – Тим вдруг запнулся и смущенно произнес: – Она только наша... Вернее... она твоя. Для тебя... Я ее только тебе играю.

– Почему?

Аня повернулась к Тиму и глядела на него удивленно и очень внимательно. От этого взгляда Тим еще больше засмутился.

– Так, – едва слышно произнес он, отводя глаза. – Захотелось.

Аня хотела было что-то сказать, но передумала. Снова легла на спину и стала глядеть в небо. И только через минуту тихо спросила:

– Тима, а ты ее когда сочинил?

– В ту ночь... на скале. Только не сочинил. Она сама во мне возникла... Заиграл ее, словно уже знал... Не знаю, почему так получилось.

Тим грустно вздохнул.

– Ты тогда на небо глядела. Печально. И глаза у тебя блстели... Наверно, это слезы просились. А я в них сияние звезд видел.

И он снова вздохнул.

– Тима... а назови ее так... нашу мелодию, – тихо сказала Аня.

– Как?

– Сиянье звезд в твоих глазах.

– Сиянье звезд? Красиво... Пусть будет так.

Тим посмотрел на Аню.

– А хочешь, теперь я про твое будущее расскажу?

– Про мое? – удивилась Аня. – Хочу.

Она повернулась к Тиму и, подперев голову рукой, приготовилась слушать.

– Ты ведь о полетах к звездам мечтаешь, – начал Тим. – Так вот, ты к ним полетишь. На большом-большом звездолете. И будешь ты его командиром.

– Так уж и командиром? – улыбнулась Аня.

– Ясное дело – командиром. Вот увидишь... Но сперва, конечно, летаешь простым пилотом. На обычном межпланетнике.

– И куда же я полечу? – лукаво улыбаясь, спросила Аня.

Тим взглянул на огромный серп Джалы, просвечивающий сквозь синеву неба.

– Для начала – на нашу центральную планету.

– Чего я там не видела?

– Узнаешь, что у нее под облаками.

– Тоже мне загадка. Это же планета-гигант. Что у них под облаками – давно известно. У нашей, например, сплошная вода, а над ней огромные ураганы носятся... Вот небольшие планеты с твердой поверхностью – это будет поинтереснее.

– Ну, хорошо. Ты эти твердые планеты возле нашей звезды все изучишь. А потом полетишь к другим звездам. Будешь открывать новые миры... И один из них назовут твоим именем. Только представь: целый мир – твоим именем.

Аня повернулась на спину и закрыла глаза, мечтательно улыбаясь.

– Да... целый мир, – задумчиво произнес Тим и вдруг переменил тему: – Аня, а почему нашу Балию детским миром зовут? Я взрослых спрашивал – смеются. Говорят: в честь нас, победителей стражей. А по-серьезному – не знают, сами от других слышали.

Аня открыла глаза и взглянула на Тима.

– А ты бы взял у Зуба учебник астрономии. Там про это написано.

– Ну, а ты разве не знаешь? Ты же все наши книги про космос прочитала.

– Знаю, конечно. Один земной астроном дал названия нашей звезде и ее планетам на древнем языке санскрите. Так вот, слово Балия на нем означает «детство».

– Вот оно что. А почему он ее так назвал?

– Неизвестно. У него все луны Джалы названы возрастами. Ближняя – «умирание», следующая за ней – «старость», дальше идут «взрослость», «юность», «детство» и «рождение». Через миллиард лет они начнут падать на Джалу. Одна за другой... Может быть, астроном хотел сказать, что у всего во вселенной есть начало и есть конец. Всё рождается и всё умирает. Люди, планеты, звезды.

– И звезды? А разве они не светят вечно?

– Нет. Они тоже рождаются и умирают.

– Вот это да! Расскажи об этом.

– Это очень научные вещи. Я про них интересно не расскажу.

– Всё равно.

– Ну ладно, слушай.

И Аня стала рассказывать Тиму о звездах. Какие они бывают и почему. Как проживают свою жизнь и чем ее завершают. Тим слушал с большим интересом, пока Аня не стала объяснять разницу между нейтронной звездой и черной дырой. Смысл этого объяснения до него никак не доходил, и он заскучал, но переспрашивать не стал. Ему просто приятно было слушать. Слова девочки словно качали его, убаюкивали. Тим слушал, слушал. И уснул. Не заметив этого, Аня продолжала рассказывать, но вскоре и на нее подъем спозаранку подействовал. Он стала говорить всё медленнее и тише и, наконец, тоже уснула.

Проснулся Тим, когда солнце уже далеко перевалило за зенит. День по-прежнему был ясный. На ярко-синем небе медленно ползли четко очерченные кучевые облака, узкие длинные листья на верхушках крылолистов едва шевелились в почти неподвижном воздухе. Ничто вокруг не намекало на скорую перемену погоды и приближение сильного ветра.

Тим разбудил Аню. Она с тревогой взглянула на его хмурое лицо и спросила:

– Что-то случилось?

– То-то и оно, что ничего. Смотри, какая тишь. Где обещанный после обеда ветер?

– Но мы же еще не обедали, – улыбнулась Аня.

– Тебе смешно, а мне не очень. Я здесь торчать весь день не собирался, но, похоже, до вечера ветра не будет, – Тим недовольно поморщился. – Да еще и жарко.

Он стянул с себя хэб, надетый по настоянию мамы – она опасалась, что в полете будет холодно. Аня тоже сняла свою ветровку и спросила:

– Мы есть-то сегодня будем? Я уже проголодалась.

– Будем, – хмуро пробурчал Тим.

Они достали еду и пообедали.

– Аня, у тебя если дома дела – иди, – сказал Тим, прожевав последний кусок и запив его водой. – Чего здесь со мной от скуки маяться?

– Нет у меня дома дел. Здесь интересней... будет... Когда ветер подует.

– Пока его дождешься – помрешь от безделья.

– Давай в уголки сыграем.

– В уголки? – Тим задумался. – А сколько ходов форы дашь?

– Два.

– Два в прошлый раз было, и ты меня всухую уделала. Давай три.

– Хорошо, давай три, – согласилась Аня.

Она достала из кармана ветровки геймбокс и выставила на экране игру в уголки. Тим передвинул на нем пальцем сразу три фишки и состязание умов началась.

Играть с форой в три хода Тиму было проще, чем в два, но и такая уступка не очень ему помогла. Из десяти партий он выиграл всего две и три свел вничью. Стало быть, весь матч всё равно проиграл.

Между тем, солнце уже клонилось к горизонту и повода говорить о скором изменении погоды природа по-прежнему не давала. Тим взглянул на свой тайм-браслет и вздохнул.

– Уже пятый час. Похоже, ошиблась наша метеостанция. Не будет сегодня ветра.

– И что будем делать?

– Пошли домой. Завтра Зуб уже сам свой прибор испытает... Если ветер будет.

Ребята сложили в пакет еду, которой им дали столько, что они и половины не съели, и двинулись по направлению к Городу. Тим всю дорогу шел молча, то и дело бросая задумчивый взгляд на террикон новой шахты, маячивший впереди и чуть сбоку. На окраине Города у поворота к шахте он остановился.

– Аня, ты дальше иди одна. Мне еще надо на шахту заскочить.

– Зачем это?

– Так... Дело есть.

Аня подозрительно взглянула на Тима.

– Ты никак реально решил Хмурого Сэма выследить?

– Решил. А что такого?

– Что такого? – возмущенно воскликнула Аня. – Забыл, что Зуб говорил? Разоблаченные мошенники опасны.

– Я его разоблачать не буду. Всего лишь прослежу, куда он пойдет. Он меня даже не увидит.

– А вдруг увидит?

– Это ты мне говоришь? Лучшему разведчику марсианского Лабиринта? Я семь флагов под носом у их сторожей стащил, они даже не почесались.

– Хвастовство до добра не доводит.

– Я не хвастаюсь, а говорю по факту. У меня и приз такой от Совета команд есть.

- Тогда скажи, сколько флагов ты у сторожей не стащил. По факту.
- Ну... один, – нехотя признался Тим.
- Ага! Значит, разок всё же попался?
- Потому что та команда от обороны играла. Их флаг сразу четверо сторожили, вот и пришлось рискнуть. А к Сэму я близко подходить не буду. Обещаю.
- Но несмотря на уверения Тима, Аня всё равно выглядела озабоченной.
- Я, пожалуй, с тобой пойду, – сказала она. – От случайностей никто не застрахован.
- Тим этому решению даже обрадовался:
- Ладно, идем. Два свидетеля лучше, чем один.
- А что мы на проходной скажем?
- Скажем, что друзья Скипа. Его на шахте все знают. Скажем, что помогаем ему летнее задание доделать.
- Ну хорошо, давай попробуем, – согласилась Аня.
- И они свернули на дорогу к шахте.

Призрак шахты

Идти предстояло не более километра. Поначалу Тим улыбался, предвкушая интересное приключение, но чем ближе подходили они к шахте, тем больше он хмурился. У самой проходной Тим задумчиво произнес:

– Странно.

– Что странно? – спросила Аня.

– Обычно тут разные механизмы шумят: транспортеры, вентиляторы. А сейчас тишина полная.

– Может электричества нет? Авария.

– Может и авария, – неуверенно произнес Тим.

Ребята беспрепятственно прошли через ворота. Их не окликнули – в будке проходной никого не было.

– И сторожа нет, – озабоченно произнес Тим. – Неужто смену отменили?

Возле шахтного подъемника он приободрился:

– Да вроде работают. А то бы дверь на замок закрыли и табличку повесили.

Тим снял с крючка возле двери висевшую на нем «гостевую» шахтерскую каску и включил на ней фонарь. Но он не работал. На двух других касках, висевших рядом, тоже.

– Вот лодыри, – возмутился Тим. – Заряд батарей не проверили. Но ничего...

Он достал из рюкзака фонарик и гордо показал его Ане.

– У меня и без этого есть чем посветить.

– Фонарик? – удивилась Аня и подозрительно прищурилась. – Ты что, заранее к походу в шахту готовился?

– Не-а. Я после поисков Хранилища многое что в рюкзаке ношу. По привычке.

– Так три года уже прошло.

– Ну и что? Видишь, пригодилось.

Тим быстро пробежался взглядом по картонке со схемой шахты, висевшей на сетчатом ограждении подъемника, и уверенно заявил:

– Нам на четвертый уровень.

– А как мы спустимся, если электричества нет?

– Если нет – от генератора поедem, – сказал Тим, открывая дверь подъемника. – Для безопасности людей так сделано.

– Ты уверен?

– Конечно. Я ведь еще и профессию электрика освоил.

Ребята зашли в клеть подъемника и спустились на четвертый уровень или горизонт, говоря языком шахтеров. Он встретил их звенящей тишиной и темнотой. Ее едва подсвечивали цифры, нанесенные биолюмовой краской на каменные стены – они отмечали проходы, вырубленные в горной породе. Тим включил фонарик и решительно направился в проход под номером четыре-один.

Аня никогда раньше не была в шахте. Она шла за Тимом и разглядывала каменные стены и свод, проявленные из темноты светом фонаря. Это был новый для нее мир. Не бесконечный космос, к которому она привыкла с рождения. Не мир Балии, простиравшийся до границ атмосферы. Другой мир. Стиснутый со всех сторон многометровой толщей камня, способной в любой момент раздавить наглых людишек в их жалких проточинах.

Но страшно ей не было, было интересно. И всё же, когда Тим через десять минут свернул в один из боковых штреков, она с опаской спросила:

– Мы не заблудимся?

– Нет, – уверенно ответил Тим. – Я дорогу по схеме запомнил.

Неожиданно Ане пришла в голову другая мысль:

– А вдруг Хмурый Сэм все подарки уже собрал и домой ушел?

– Не думаю. Вспомни, что Зуб рассказывал. Скип в шахту с ночной сменой пришел. И вряд ли руду долго вырисовывал – не в его характере. Значит, Сэма еще до ужина видел. И правильно – когда еще ему еду собирать, как не перед ужином. Выходит, полчаса, а может и час у нас еще есть.

Спустя четверть часа, сделав еще один поворот, Тим остановился в коротком штреке, упиравшемся в проход с ровно вырубленными стенами.

– Кажется, здесь, – он указал на застывшие потеки воска от сгоревших в проходе свеч.

Луч фонарика метнулся назад, скользнул по стенам штрека и уперся в неглубокую выемку.

– А вот и место, где Скип сидел... И нам оно пригодится.

– Для чего? Еды-то нет. Он ее уже забрал, – резонно заметила Аня.

– Тогда бы здесь свеча горела – он свечи не берет. А ее нет. Значит, и еды не было. Значит, шахтеры ее сегодня в другом месте оставили.

Тим присел на корточки, поскреб пальцем одну из восковых лепешек и задумчиво произнес:

– Может у каждой смены оно свое.

– Тогда зачем здесь ждать? Я так поняла: этот «призрак» на свет свечи идет. И чтобы еда рядом лежала. А раз ничего нет – чего здесь делать?

Тим усмехнулся.

– Так сейчас всё будет.

Он снял с плеч рюкзак и вынул из него пакет с едой и свечу. Пакет Тим аккуратно поставил широкой стороной к проходу, чтобы оттуда его лучше было видно, свечу воткнул в борозду на камне, оставленную шахтерским вибробуром.

– Нет, ты точно сюда собирался, – сказала Аня, глядя на его приготовления. – Не удивлюсь, если у тебя и веревка есть.

– Веревка?

– Ну да, «призрака» вязать, – пошутила Аня.

– А что, хорошая идея, – улыбнулся Тим и сунул руку в рюкзак. – Веревка у меня есть.

– Тим! Ты обещал только следить, – возмущенно воскликнула Аня.

– Да помню я, – усмехнулся Тим и вместо веревки вытащил ароминг.

Открыв отделение для хранения таблеток, он достал оттуда свернутый в трубочку высушенный лепесток и сунул в отверстие для нагрева. Через пару секунд лепесток вспыхнул, и Тим поджег от него свечу.

– А поджигалкой не удобней? – спросила Аня.

– Привычка, – ответил Тим и направился к выемке в стене.

– Тим, а мы до темноты в Город вернемся? – забеспокоилась вдруг Аня. – А то мама волноваться будет, хоть и фонари горят.

– Должны. Не волнуйся, если Сэм до ужина не появится – домой пойдем, – обнадежил ее Тим и добавил: – Но он появится.

– Почему ты в этом уверен?

– Я думаю, он из старой шахты приходит, она ведь заброшена. Для «призрака» удобно – на людей не наткнешься. А этот проход, где мы еду оставили – он по-шахтерски сбойка называется – как раз и соединяет новую шахту со старой. И эта сбойка единственная. Где ему идти, если не здесь?

– А вдруг он в нее мимо нас пойдет?

– А зачем ему свой привычный маршрут менять? Мимо Скипа не ходил и мимо нас не пойдет... Ну всё, сидим и молчим. А то спугнем.

Ребята разместились в каменной нише и стали ждать появления «призрака». Тим выключил свой фонарик, но света свечи хватало, чтобы видеть друг друга. Лишь в дальнем конце штреха темнота брала свое и только кристаллики руды искрились там отраженным светом, похожие на звезды в ночи. Аня разглядывала эти «звезды» – больше смотреть было не на что, и вдруг вспомнила свой первый выход в открытый космос.

В тот день ей исполнилось ровно пять лет и папа наконец-то разрешил сделать то, о чем она мечтала и о чем кляничла наверно лет с трех. Но вблизи мечта оказалась совсем не такой, какой она себе ее представляла, глядя в иллюминатор. Совсем не радостной и даже пугающей. Она стояла на самом краю выходного шлюза, а впереди простиралась пустота. Сияющая бесчисленными звездами, но всё же пустота. И ей казалось: стоит сделать шаг и она сразу же упадет вниз – в эту бесконечно глубокую бездну.

Она подергала страховочный трос, прицепленный к поясу скафандра.

– Не бойся, не оторвется, – послышался в шлеме голос папы.

Он стоял рядом и ободряюще улыбался.

– Но ведь я буду быстро падать.

– Не будешь ты падать. Мы в зоне нулевой гравитации – в невесомости. Куда оттолкнешься, туда и полетишь. Сильно оттолкнешься – быстро полетишь, а если слабо, то медленно.

– А лучше обеими ногами толкаться или одной?

– Как хочешь.

Она согнула ногу в колене и легко оторвала пятку от пола – магниты в подошве были выставлены на минимальный прижим. С другой ногой тоже получилось. Теперь она стояла на цыпочках.

– Я всё проверил, – сказал папа. – Решай уже: идешь вперед... или назад.

В его голосе послышалось легкое разочарование. Видно, она слишком медлила в ситуации, как он говорил, «минимальной угрозы». А это непростительно для военной, пусть даже и будущей. Ей стало стыдно.

– Иду вперед, – сказала она и оттолкнулась от края шлюза.

И полетела. Не упала вниз, как папа и говорил, а полетела. Вперед и вверх. Но сначала ей показалось, что она вовсе не летит, а висит в пустоте на одном месте. Потому что ничего вокруг не менялось. Звезды по-прежнему сияли на своих местах, нисколько не приближаясь. А удалявшийся космолет остался где-то позади, не видимый ею из громоздкого скафандра для открытого космоса.

Потом ее дернуло за пояс – закончилась длина страховочного троса. Теперь она действительно висела в пустоте почти неподвижно. И чтобы хоть как-то изменить положение тела, поболтала ногами. Обычно она так баловалась на турнике во время занятий по физподготовке и тогда ее крутило во все стороны. Но в космосе этот трюк не получился, потому что не было опоры для рук. А если помахать ими?

Она взглянула на руки. И сразу увидела микродвигатели ориентации, закрепленные на запястьях. Она едва о них не забыла. Теперь надо вспомнить, как учил ее папа. Согнуть перед собой обе руки, развести локти в стороны, включить один двигатель на три секунды.

Из сопла на левом запястье вырвалась тонкая струя сжатого воздуха, и звезды вокруг пришли в движение – ее разворачивало в сторону корабля. Она досчитала до трех и отпустила кнопку. В обзор шлема медленно вплыла передняя часть космолета, а вскоре он заполнил собой уже всё видимое пространство.

Когда ее повернуло точно лицом к шлюзу, она увидела отца. Но не в шлюзе, а в пяти метрах от себя, тоже на страховочном тросе. И удивленно воскликнула:

– Папа?

– Второй движок, – прозвучал в шлеме папин голос.

Мрак! Она не ожидала увидеть его рядом и забыла включить другой двигатель, чтобы остановить вращение. Но уже через секунду движок на правой руке дул воздухом, а через три она снова замерла на одном месте.

– Молодец, – похвалил ее папа. – Справилась.

Теперь его голос был вполне довольный. Зато она на папу сердилась. И обиженно ему выдала:

– Ты же говорил, что со мной не пойдешь. Зачем обманул?

– А я разве с тобой пошел? – весело возразил папа. – Ты одна пошла, а я уже следом. Не идти после тебя у нас уговора не было.

– А зачем сказал, что другого троса нет?

– Чтобы ты сама сделала первый шаг. И дальше надеялась только на себя.

– Ишь какой хитренький. Значит, это было испытание? Экзамен?

– И ты его сдала, – с гордостью сказал папа. – Теперь просто любуйся звездами.

Она пренебрежительно хмыкнула.

– Чего ими любоваться – звезды и звезды. Как в иллюминаторе.

– А ты другого ожидала?

– Я думала их намного больше и они ярче.

– С чего бы это?

– Так ведь в иллюминаторы не всё видно. Они же пыльные. Их снаружи никто не протирает.

Папа громко рассмеялся, а когда просмеялся, сказал:

– Их тоже протирают – обслуживающие сфероботы.

Он подлетел к ней на ручных движках.

– Ну что, полетели обратно... раз любоваться нечем?

– Как это нечем? А наш «Чибис»? Я его никогда целиком не видела. Только по частям на экранах. А здесь он такой... такой...

Она восхищенно смотрела на родной космолет. Вот светятся алым панели охлаждения реактора. Вот мачта метеоритной защиты блестит на Солнце трубками ионизаторов. И модуль экипажа вращается вокруг нее, сверкая округлой обшивкой.

– Папа, а ведь правда наш «Чибис» красивый?

– Правда, – согласился папа. – А планеты в открытом космосе еще красивей. В следующий выход увидишь.

– А когда? И какую?

– Примерно через неделю. Землю.

– Папа, а она где сейчас?

– Земля? От тебя на одиннадцать-два. Ну-ка, вспоминай.

– На одиннадцать часов по горизонтали...

– Так...

– И на два по вертикали.

– Точно.

– А Солнце на десять-два? – она указала на яркое пятнышко, наполовину скрытое энергосиловым блоком космолета.

– Верно.

– А мы от него далеко?

– Около трех астредов. В поясе астероидов.

– А где остальные планеты?

– Меркурий, Венера и Марс примерно там же, где и Солнце. Юпитер за тобой, – папа указал рукой левее и ниже нее. – А ну-ка, назови, где он?

– На семь-восемь? – ответила она не совсем уверенно.
– Правильно. Сатурн на четыре-семь, Уран на три-ноль... Покажи Уран.
Она показала рукой направо от себя.
– А Нептун напротив него. Где?
– На девять-ноль, – сказала она и показала рукой точно влево от себя.
– Молодец, – похвалил ее папа. – Боевое целеуказание знаешь... А теперь полетели домой. Мама уже за праздничным столом ждет. Запускай трос.

Она нащупала карабин страховочного троса, закрепленный на поясе, и нажала на нем кнопку. Трос тотчас натянулся и потащил ее обратно к выходному шлюзу. Напоследок она взглянула на звезды. Они почему-то мерцали, хотя в открытом космосе такого не должно было быть.

В бок ей уткнулся локоть Тима. Воспоминания ушли – звезды снова превратились в кристаллики руды, сверкающие на каменном своде. Они и в самом деле мерцали, то ярко вспыхивая, то тускнея. Аня догадалась отчего – это пламя свечи, освещавшее их, взволновало дуновением воздуха.

– Он здесь, – прошептал Тим ей в ухо и осторожно выставил из укрытия маленькое зеркальце.

Поймав в него отражение от свечи, он пару секунд наблюдал за тем, что происходит в сбойке, а потом выглянул сам – всего на чуть-чуть, одним глазом. Аня тоже решила посмотреть. И вздрогнула от того, что увидела.

Возле горящей свечи стоял человек в истрепанной шахтерской робе. Из-под треснутой каски свисали на плечи спутанные пепельно-седые волосы. Такого же цвета и длины борода закрывала шею и грудь. А лицо и руки в самом деле были ярко-зеленые и светились. Всё так, как и рассказывал Зуб про призрака шахты.

Хмурый Сэм поднял пакет с едой и сунул его в сумку на поясе, такую же ветхую, как и роба. И не спеша пошел по сбойке в сторону старой шахты.

Едва он скрылся из виду, как Тим бесшумно вскочил на ноги, крадучись подошел к повороту из штрека и снова выставил за угол свое зеркальце. Глядел он в него больше минуты, а потом прошептал:

– Свернул. Пошли, только тихо.

И слежка началась. Хмурый Сэм шел спокойным размеренным шагом, позволяя ребятам поспевать за ним после очередного поворота. Но всё же один раз они его чуть не упустили. Хорошо, что Аня вовремя заметила зеленый отблеск на стене возле одного из боковых проходов.

Надо сказать, что свечение от Сэма исходило не слабое – как от небольшого фонарика. Впрочем, использовал его «призрак» не для этого. Было заметно, что дорога ему знакома до мельчайших подробностей – ни один выступ на стене он не задел, ни об один бугорок не запнулся. Тим почему-то был уверен, что и в полной темноте «призрак» без труда прошел бы этим путем.

А путь этот оказался довольно извилистым. Сэм три раза сворачивал и три раза поднимался по наклонным ходкам на верхние горизонты. Но четвертый его поворот поставил ребят в тупик. В прямом смысле слова.

Они стояли в коротком штреке, едва начатом. Уже через пять метров он заканчивался каменной стеной, покрытой бороздами и царапинами от вибробуров. И Сэма здесь не было.

– Где же он? – растерянно произнес Тим. – Он ведь сюда свернул. Я же видел.

– Неужели, это правда? – испуганно спросила Аня.

– Что он сквозь камень проходит? Ерунда, этого не может быть.

Тим ненадолго задумался, глядя в конец штрека, а потом прошел к его тупиковой стене и стал внимательно ее разглядывать. Потом он ее всю прощупал, потом простучал. Даже прослушал, прижимаясь ухом. Но ничего необычного не обнаружил – такой же камень, как и везде вокруг.

Если бы Тим был суеверным шахтером, то он так бы и ушел отсюда, убежденный, что призрак шахты способен проходить сквозь камень. Но Тим суеверным не был. Поэтому стал осматривать всё. И вскоре обнаружил на боковой стене странные трещины, наклонно идущие снизу наверх и сходящиеся вместе. А между ними, у самого пола, он заметил глубокую выщерблину от куска сколотой руды. Тим сунул в нее руку и потянул на себя. И кусок стены между трещин выскользнул наружу, открывая узкий темный проход.

Аня даже ахнула от удивления. А Тим был очень доволен.

– Вот и разгадка его исчезновений, – сказал он, с интересом разглядывая необычную потайную дверь толщиной в ширину ладони и с гладкой задней поверхностью.

– Как он это сделал? – спросила Аня, проведя по ней пальцем, – Невозможно так ровно отколоть камень и так гладко и тонко его обтесать.

– А это не камень, – ответил Тим. – Это бетон из мелко дробленной руды, замаскированный под камень... С умом сделано. Еще и колеса где-то внутри – эта дверь на них катается.

Он нацелил фонарь в открывшийся проход и луч света выхватил из темноты ступени крутой каменной лестницы.

– Ходок наверх. Пошли, – сказал Тим и протиснулся за каменную дверь.

– Может не стоит? – медлила в нерешительности Аня.

– Раз начали, надо закончить, – твердо заявил Тим и потянул девочку за собой.

Подъем по лестнице занял не больше минуты. Закончилась она узкой деревянной дверью, на удачу ребят не запертой. Тим выключил фонарь и осторожно ее приоткрыл.

В глаза ему ударил голубой свет, а в нос – необычный запах – терпко-кислый и одновременно дымный. Тиму он показался знакомым, но где состоялось это знакомство, вспомнить ему не удалось.

За дверью находилось вырубленное в камне узкое помещение, скорее даже коридор. На одной из его стен светился голубым большой квадрат, намалеванный биолоумовой краской. А на другой висели на гвозде роба и каска Хмурого Сэма. Впереди слышался плеск воды.

– Давай лучше уйдем, – прошептала Аня. – Ребятам расскажем, решим, что делать.

Но Тима уже охватил охотничий азарт. Он мотнул головой, не соглашаясь, и решительно двинулся на звук. Аня вздохнула и пошла следом.

Коридор привел их в помещение, похожее на самое настоящее жилище, только подземное. В нем даже была небольшая печь из самодельного кирпича. Рядом примостился грубо сколоченный деревянный стол, прибитую над ним полку занимали несколько тарелок и кружек.

Левую стену целиком закрывал стеллаж из жердей, плотно заставленный глиняными кувшинами, банками и бутылками с мутно-белесой жидкостью. Правую стену подпирала низкая дощатая кровать без спинок.

А у ближней стены спиной к ним стоял «призрак» и умывался. Вода из шланга, подвешенного к потолку, тонкой струйкой стекала в поставленный на табуретку таз.

Будто почувствовав на себе чужой взгляд, Сэм резко обернулся. Глаза его широко открылись от удивления. Он попятился назад и опрокинул табурет с тазом. Зеленая светящаяся вода расплескалась по полу.

– Здравствуйте, – громко поздоровался Тим, стараясь казаться невозмутимым.

– Вы кто? – испуганно произнес Сэм. – Вы... как здесь?

– У Вас вода на пол течет, – ответил Тим с прежним спокойствием.

Сэм перевел взгляд на шланг, из которого продолжала литься вода, и передвинул надетый на него деревянный зажим. Сделал он это совершенно машинально, по-прежнему пребывая в полном замешательстве. Но вода течь перестала.

Последняя капля упала в лужу на полу, нарушив плеском наступившую тишину. Сэм повернулся к ребятам. Испуг на его лице с не до конца смытой зеленой краской сменился злостью. Он медленно произнес, разделяя паузами слова:

– Вы как... здесь... оказались?

– Мимо шли, – ответил Тим. – Глядим – дыра. Вы свою каменную дверь не закрыли.

– Что? Не закрыл? – удивленно воскликнул Сэм, но тут же спохватился: – Врешь! Всё я закрыл.

И, злобно сощутив глаза, добавил:

– Следили, да? ... Напрасно.

Он сделал шаг вперед. Тим мгновенно скинул с плеч рюкзак и, выхватив из его бокового кармана нож, крикнул:

– Не подходи!

– Ух ты, как страшно, – с издевкой произнес Сэм и шагнул вбок – к кровати.

Сунув под нее руку, он вытащил копье с наконечником из заточенной стальной полосы длиной в локоть и насмешливо произнес:

– А у меня длиннее. Чем ответишь?

Тим тут же включил фонарик и направил свет в глаза своему противнику.

– Ах ты паршивец! – вскрикнул ослепленный «призраком» и отвернулся. – Ну, всё, я тебя достану, – и он не глядя направил копье в сторону мальчика.

– Беги! – крикнул Тим Ане, но сам не побежал, а сунул руку в рюкзак.

И тут на всех навалился страх. Сэм выронил копье и упал на кровать. Сжав голову руками, он мычал что-то невразумительное и безумным взглядом шарил по каменным стенам и потолку, словно что-то на них искал. Аня, так и не успевшая убежать, как вкопанная стояла возле Тима, стуча зубами. А сам он сжался в комок возле раскрытого рюкзака и тяжело дышал, словно задыхался.

И так же внезапно страх отступил. Первой пришла в себя Аня.

– Т-ты ч-что? В-включ-чил? – еле выговорила она, заикаясь – ее всё еще трясло от пережитого ужаса.

Тим не ответил – он отрешенно разглядывал свою руку, вынутую из рюкзака.

– Тим, – позвала его Аня. – Ты с-слыш-шишь?

– Кнопку, – ответил он. – Я не мог... не мог ее отжать... Будто окаменел. Представляешь?

– Зачем ты это с-сделал?

– Не знаю... Его испугался.

Тим взглянул на Сэма. Тот продолжал затравленно водить глазами по сторонам и растерянно лепетал:

– Откуда? ... Почему? ... Я же не там.

Постепенно он приходил в себя и, наконец, уже осмысленно взглянул на ребят.

– Вы это... ощутили?

– Что? – спросил Тим.

– Страх.

– Нет, – неожиданно для себя соврал Тим.

– Как нет? Почему?

Тим уже успокоился и свою первую спонтанную ложь уже вполне осознанно решил подкрепить новой:

– Потому что страх только для Вас. Направленного действия. Оружие такое у меня в рюкзаке.

– Оружие? – удивился Сэм и с недоверием покосился на рюкзак.
Тим вытащил прибор Зуба и направил его пластину на хозяина подземелья.

– Не верите? Хотите еще?

Сэм закрылся от прибора рукой.

– Э-э, не балуй. Хватит.

Тим сунул прибор обратно в рюкзак.

– Надо же, оружие, – Сэм опустил руку и уважительно покачал головой.

Он вдруг задумался о чем-то своем, нахмутив брови и бормоча под нос:

– Ну да, наверно, это было оружие. Почему бы и нет? ... Вот только чье?

– Это мое оружие! – решительно заявил Тим.

Сэм очнулся от дум и взглянул на него с интересом.

– И тебе, мальцу, его доверили? За какие заслуги?

– Неважно. А попробуете еще напасть – запущу его снова.

– Я не нападал. Это ты мне нож показал.

– А Вы мне копье.

– Да я в шутку. Думаешь, я бы на детей руку поднял?

– А кто Вас знает.

– Да брось ты.

Сэм приподнялся было на кровати, но Тим тут же схватил с пола копье и направил его на лже-призрака.

– Лежите, где лежали. И не сомневайтесь – я и с ним умею обращаться.

Сэм усмехнулся.

– Знаю, что умеешь. Видел.

– Где это? – удивился Тим.

– Наверху. А копье у тебя так себе было – из тонкой трубки. Легкое, конечно – нести не в тягость, но для боя с серьезным хищником никудышное.

– Откуда Вы... – изумленно воскликнул Тим. – Это же было...

– Да, во Время Шестерых.

– Вы что, не спали в Хранилище?

– Нет.

– Но по его компьютеру на свободе шесть человек осталось. И всех я знаю.

– Осталось семь. Про меня твой компьютер не знал.

– Но это невозможно!

– Возможно. Хочешь узнать, как – перестань угрожать копьем. Идемте лучше чай пить, раз уж пришли.

– Чай?

– Ну да, ужинать пора. Я проголодался, да и вы тоже. Убери копье.

– А Вы это... – неуверенно произнес Тим, с опаской глядя на вдруг подобревшего «призрака».

– Не бойся, не нападу, – сказал Сэм. – Ну, разоблачили вы меня, не убивать же вас за это. Подумаешь, пакета в день с домашней едой лишусь. Переживу. К тому же, я ее у шахтеров не ворую, они сами оставляют. Так что бояться наказания мне нечего.

Тим с полминуты обдумывал эти доводы и решил с ними согласиться, хоть и не до конца. Он отступил назад, направил копье острием вверх и спросил:

– А зачем Вы всё это делаете?

Сэм встал с кровати, вытащил из-под нее тряпку и промокнул пролитую воду.

– Ну так всё же, – напомнил о себе Тим. – Неужто не можете на еду заработать?

– Да как же я заработаю, если я мертвый? – сказал Сэм.

– Как мертвый? – испуганно воскликнула Аня.

– Ладно, не мертвый. Считаюсь умершим. Нет меня в списках живых.

– Этого не может быть! – решительно возразил Тим. – Моя одноклассница – архивист-два. Она говорила, сколько на Балии умерло людей. У всех прах упокоен, пропавших нет. Все умершие учтены, из всех трех экспедиций.

– Из трех? Это вторая, третья и четвертая?

– Да.

– А что ты знаешь про первую?

– Про первую? Так они же все улетели.

Лицо Сэма помрачнело.

– Никуда они не улетели. Здесь они – первые. Я последний из них... живой.

Последний из первых

Печка тихо гудела. Изогнутая труба вытягивала из нее дым, унося в помещение, занавешенное куском ткани. Тим спросил, куда уходит дым под землей, но Сэм не ответил. Как до этого не ответил и на вопрос Ани о судьбе людей из первой экспедиции. Всё время, пока в большом ковше кипятилась вода, он скорбно смотрел на огонь в печи и молчал.

Тим и Аня притихли, поняв, что Сэм погрузился в не очень приятные воспоминания, и вопросов больше не задавали. Лишь когда вода закипела, бывший призрак вынырнул из глубин своей памяти и позволил ребятам узнать, куда же уходит дым из печи. Смотреть соседнее помещение Тим отправился с копьём и раскрытым рюкзаком – полностью доверять хозяину подземелья он не спешил.

За занавеской оказался шурф – вертикальный колодец, пробуренный когда-то геологами в поисках лучшего места для будущей шахты. Наверху его закрывала круглая крышка из переплетенных колючих веток, сквозь которые просвечивало небо и струился еле заметный дым из печной трубы. По стене тонкой пленкой стекала сверху вода – до самого дна шурфа и дальше вниз – сквозь широкую трещину в камне. Похоже, она поступала из ручья, протекавшего совсем рядом – его громкое журчание слышалось даже на дне шурфа.

– Смотри, как всё здорово устроено, – сказал Тим. – Тут тебе и водопровод, и канализация, и вентиляция.

Он медленно двинулся вдоль круглой стены, с интересом рассматривая борозды и царапины на камне, оставленные буровым инструментом. И вдруг махнул Ане рукой, подзывая к себе:

– Гляди-ка.

По стене тянулись вверх две еле заметные тонкие лески. Их нижние концы терялись под ворохом полуистлевших тряпок, лежавших на дне шурфа. Тим присел над ними, раздвинул в стороны и восхищенно прошептал:

– Вот это да! У него тут еще и запасной выход.

Одна из лесок оказалась привязанной к веревочной лестнице с железным стреловидным наконечником.

– Где выход? – не поняла Аня.

– Если за этот конец лески тянуть – на другом лестница поднимается, – объяснил Тим. – А этой штукой она наверху за что-то защелкивается – чтобы вес человека выдержать.

– А зачем так сложно? Нельзя было ее просто подвесить? Вдруг плохо защелкнется и грохнешься вниз. А тут до верха не меньше десяти метров.

– Это всё для маскировки. Если шурф обнаружат – не подумают, что в нем кто-то живет.

– Слушай, а может это не только выход, но и вход? И вовсе не запасной.

– Точно! А я всё думал: как же его на шахту пускают, если он здесь не работает. Теперь всё ясно.

Разговор ребят прервал голос Сэма за занавеской:

– Чай готов. Идите.

Тим быстро забросал веревочную лестницу тряпками и вымыл руки текущей по стене водой. Ребята вернулись в главную комнату, если так можно было назвать пустоту, вырубленную в каменной толще. К своему удивлению, стол на обычном месте они не обнаружили, Сэм перетащил его ближе к кровати. В ответ на их вопросительные взгляды он усмехнулся:

– Стульев для гостей я, понятное дело, не держу. Поэтому садитесь на мою лежанку.

Ребята уселись на кровать. Тим приставил копьё к стене так, чтобы его можно было быстро схватить, сбоку разместил раскрытый рюкзак.

– Наши друзья знают, куда мы пошли и зачем, – объявил он Сэму, по-прежнему глядя на него с опаской. – Если до темноты не вернемся – нас будут искать. Так что, если Вы что-то плохое задумали...

– Ничего я не задумал, – поморщился Сэм. – Поужинать я задумал... И вас накормить. Он уселся на табурет напротив ребят и указал на приготовленное угощение.

– Разбирайте кружки. Пейте, ешьте.

На столе стояли три разномастные глиняные кружки с горячим чаем. Воздух над ним наполнял сладковато-терпкий аромат ягод и трав. Рядом стояла широкая тарелка с печеньем и шестью пирожками. Сэм указал на них.

– Пирожки хоть и вчерашние, но вкусные. Вот эти с кашей, эти с грибами, а эти с фруктами – сладкие.

Тим и Аня не сговариваясь взяли по пирожку с фруктами. Сэм выбрал пирожок с кашей.

– А наше есть не хотите? – спросил Тим, отпивая из кружки чай.

– Что ваше?

– Ну, еду, которую мы Вам в пакете оставили. У сбойки с новой шахтой.

– Ага, значит, не случайно меня увидели, все-таки выслеживали. А пакет приманкой был, да?

– Ну, вроде того.

– И где же вы там возле приманки прятались, что я вас не заметил?

– А там ниша в стене шtreка вырублена.

– Ясно... Значит, вашу еду есть предлагаешь? А обратно ее забрать не хотите?

– Нет. Угощение для Хмурого Сэма если оставил – нельзя забирать. Удачи не будет.

– Знаешь шахтерские поверья? – Сэм улыбнулся. – Ладно, тогда я его на завтрак приберегу.

– А не испортится? У нас там бутерброды с рыбой.

– В шурфе ночью прохладно возле стены с водой. До утра не испортится, – Сэм грустно вздохнул. – А утром поем напоследок домашнего и пойду. Жаль только запасы свои бросать, – он обернулся к стеллажу у стены. – Столько трудов потрачено.

– Зачем же их бросать? – спросила Аня.

– Так ведь мне здесь больше не жить. Расскажите вы завтра про меня и всё – нужно бежать, скрываться. А много ли я с собой в лес унесу?

– А зачем скрываться? – спросил Тим. – Жили бы как все, работали.

– Для этого надо себя живым объявить.

– Разве это трудно?

– Это не трудно. Это не нужно. Мне не нужно.

– Почему? – удивилась Аня.

– Потому что живого можно убить, мертвого – никогда.

– За что же Вас убивать? Вы что-то плохое сделали? – спросил Тим.

– Сделал.

– Кому?

– Компании.

– И что же Вы сделали?

– В живых остался. А не должен был.

– Вы хотите сказать, что Компания хотела...

– Ничего я не хочу! – вдруг рассердился Сэм. – Я хочу «мертвым» остаться, понимаете! Чтобы про меня не знали, забыли! А вы...

Он яростно сверкнул на ребят глазами, залпом выпил из кружки чай и, хлопнув ею о стол, насутился, глядя на печенье в тарелке. Наступила долгая тишина.

– Мы о Вас никому не скажем, – наконец, прервал ее Тим и, помедлив, добавил: – Если расскажете, почему Вы скрываетесь и почему Компания хотела Вас убить.

– Сделку предлагаешь? – криво улыбнулся Сэм. – А нужно ли вам это знание? Оно ведь опасное. Узнает Компания, что ее тайна еще кому-то известна, и всё – вас не спасет, что вы дети.

– Компания Балию бросила. Даже варп-капсулы сюда не шлет. Мы ей не нужны.

– Пока не нужны. Она вернется. Этот хищник свою добычу не бросает. А когда вернется, плохо вам всем будет. Вы ее власть свергли – власть Наилучших. А за это знаете, что бывает?

– А Вам-то чего бояться? Про Вас никто не знает, а мы трепаться не станем. Как она узнает? Пытать что ли будет?

– Может и пытать. Компания всё может.

– И что будут спрашивать? Мальчик, а не говорил ли тебе некто Сэм, зачем мы его убить хотели?

Сэм на миг опешил, представив сказанное, а затем коротко рассмеялся.

– Ну да, выглядит глупо, – он задумался, теребя кончик своей бороды. – Значит, ваше молчание про меня в обмен на мой рассказ?

– Да.

Сэм в раздумьях поднялся и прошел со своей кружкой к стеллажу. Наполнив ее из кувшина, он вернулся за стол и, настороженно взглянул на Аню и Тима.

– Ладно, слушайте. Но потом не жалейте, что услышали. История эта жуткая.

Изрядно отпив из кружки, он начал свой рассказ:

– Прибыл я на Балию с первой экспедицией, десять лет назад. Не на вахту прибыл – присудили мне руду здесь добывать. Да, да, не смотрите на меня так. Шахтеры первой, будет вам известно, были вовсе не вахтовики, как все здесь думают, а ссыльные осужденные, в основном участники Второй марсианской смуты. Я в бунтари попал случайно, можно сказать поневоле – просто оказался не в то время не в том месте. Но для суда это ничего не значило.

И рубил бы я здесь руду, наверно, и поныне – лишь к концу этого года мой срок бы закончился, да только через пять месяцев после нашего прилета и здесь началась смута. Взбунтовались шахтеры, работать отказались. Начальство церемониться не стало, силу применило. И в первом же столкновении с охраной меня так отделали, что я в медблок угодил.

Но на беду охранников противник им попался не слабый. Многие из шахтеров во время смуты лицом к лицу со спецполицией сталкивались, некоторые даже голыми руками дрались. А кое-кто потом и среди пиратов потерялся. Да и сами они среди осужденных тоже были. В общем, часть охранников шахтеры побили, оружием их разжились, а Наилучшие с остатками охраны закрылись в барже, на которой мы прилетели. Шахтеры их в осаду взяли, а меня и других арестованных освободили. Все тогда победу праздновали, а я подумал, что добром это для нас не кончится. Так и оказалось.

Хоть и сломали шахтеры на барже антенну космической связи, да, видать, успело начальство сигнал на спутник отправить. И ушла с него к Марсу варп-капсула с известием о бунте.

Через год прибыл сюда корабль усмирителей. Высадились они, сожгли из бластеров с десятков шахтеров – самых буйных, на тех, кто в лес ушел, магнетронные бомбы сбросили. А остальных разоружили. То оружие, что у нас было, против брони усмирителей – ерунда полная. Пистолеты Наилучших – простые хлопушки. И даже автоматы охранников – ничто.

Объявили нам наказание – каждому недельную норму за три дня сделать. Круглосуточно в шахте работать, без выхода на поверхность. Кто не справится, тому высшая мера. И стали нас группами под охраной вниз отправлять.

Едва мою группу спустили и двое усмирителей повели нас в забой, как я стал думать, где мне от них сбежать. И когда проходили мы рудоспуск на нижний горизонт, я прыгнул в него, рискнул. Потому что хоть и был он двадцати метров в длину, но все-таки наклонный.

Робу я свою порвал, по камню скользя, руки ободрал, чтобы сильно не разогнаться, но всё же не разбился и даже ноги не поломал. А едва внизу приземлился, как следом граната выкатилась. Хорошо, я успел за кучу руды поблизости прыгнуть, взрывом меня только оглушило да каменной крошкой слегка посеколо.

– Вас же могли убить! – вскрикнула Аня. – Зачем бежали? Неужто наказание непосильное было?

– Да, в общем-то, любой шахтер его выполнить мог, хоть и с трудом. Но только не я. В шахте я на скрепере работал – добытую руду грузил и вез на подъем. Но усмирители всех до единого в забойщики определили. А у меня после... – Сэм на секунду замешкался, – после той стычки с охраной, когда я в лагерь медблок попал, левая рука еле двигается и тяжести долго держать не может. Много бы я с нею вибробуром наработал? Так что ждала меня казнь. Оттого я на побег и решился...

Моим путем, однако, никто из усмирителей спуститься не решился. А ждать, когда они до меня на подъемнике доберутся, я, разумеется, не стал и помчался к завалу в штольню, из-за которой всё это буйство и началось. Про то, что через завал в ней можно пролезть, кроме меня только один шахтер знал, но он еще год назад в столкновениях с охранниками погиб. Вот я и решил там спрятаться и дожидаться, когда усмирители улетят. Они после усмирения долго не задерживаются.

Два дня я в штольне просидел без еды и воды. Без еды ничего – я к голодухе давно привычный, а вот без воды тяжело пришлось. На третий день не выдержал, вылез в шахту. Там поблизости гидрант для осаждения пыли стоял, вот я и подумал: из его бака напьюсь, может и не заметит меня охранники.

Вылез, а в шахте – мертвая тишина. Решился я пойти посмотреть, почему так. Третий день ведь еще не истек, должна работа всю кипеть. До шахтного ствола прошел – везде пусто. Нет людей. Тогда я во второй орт свернул и в обратную сторону пошел – его забои проверить. И там никого. Только в самом дальнем штреке нашел я то, чего раньше там не было – стену из затвердевшей каменной пены, закрывавшую проход. А внизу из нее труба торчала, тряпкой заткнутая. Я едва эту тряпку вынул, как из трубы синий дым потек. У меня тут же дыхание перехватило и кашель начался. Я тряпку обратно воткнул и быстрее ушел оттуда. Всё мне стало ясно – замуровали эти гады всех моих товарищей и газом их отравили.

– Да как же так можно? – возмущенно воскликнул Тим.

– Им можно. Усмирители – это не люди. Официально зовутся Корпус стражей стабильности, а на самом деле давно уже секта религиозная. Эмблема у них – голова волка. Животное такое земное. Злое, свирепое. И они такие же. Себя волчьими называют, потомками какого-то небесного волка – бога ихнего. А тех, кого усмиряют – скотом или дичью. Не людьми. Люди для них – только Наилучшие. И то лишь потому, что деньги им дают, нанимают для усмирения. Вот так-то...

– И что дальше было? – спросила Аня.

– Дальше? Дальше я подумал: если с осужденными покончили, то и охранникам возле шахты делать нечего. Поднялся на поверхность. Точно – никого. И бронеботов усмирителей тоже нет. Но что самое главное – баржа запертой оказалась. Все Наилучшие и охранники улетели с усмирителями. Я единственный, кто на планете остался.

– Как же Вы дальше один жили? – спросил Тим.

– А как вы во Время Шестерых жили? Так и я. Рыбу ловил, ягоды и корни собирал, научился вон, – Сэм кивнул на стеллаж у стены, – из меда напиток варить.

– Из чего? – не понял Тим.

– Из меда. Пчелы его из цветочного нектара делают.

– Пчелы? – снова не понял Тим. – Но они же на Земле. И не мед делают, а людей насмерть жалят.

Сэм с жалостью взглянул на Тима и поморщился.

– Ладно, как вы называете тех больших летающих насекомых, что на лугу южнее Города живут? У них еще гнезда розовые и круглые, – Сэм снова кивнул на стеллаж. – Вроде моих кувшинов. Вы их видели, когда... – он замялся и заметно смутился. – В общем... видели... наверно... Так как называете?

– Большие нацветницы, – ответила Аня. – Раньше мы их зуделками называли.

– Вот они мед и делают. А я уже из него – это чудесное питье.

Сэм посмотрел в свою кружку так, словно там лежал для него дорогой подарок, отпил из нее несколько больших глотков и с улыбкой повторил:

– Просто чудесное.

Он тяжело вздохнул.

– И время то было чудесное. От людей скрываться не надо, а с местной живностью рядом жить я научился... Но через год снова прибыл корабль. Теперь уже не с каторжниками, а с колонистами. Видно, рабский труд не приносил Компании желаемой прибыли и выгодней оказалось создать полноценную колонию с семьями. Началось строительство Города и пришлось мне из лагерного барака, где я до этого жил, убираться куда подальше и искать новое жилище. Да еще успеть его до темноты найти, пока ночные хищники на охоту не вышли.

– Вы его нашли? – спросила Аня.

– Я его сделал. Термитник изнутри выскреб.

– Что выскребли? – не понял Тим.

– Термитник, – ответил Сэм и, увидев растерянность Тима, поспешил разъяснить непонятное мальчику слово: – В нем насекомые раньше жили. Красный холмик в мертвом лесу.

– В мертвом лесу?

– Ну да. Там деревья мертвые – черные, с паутиной.

– А, так это Жуткие заросли, – догадался Тим. – Знаю. У меня там укрытие было. В таком же тер-мит... Откуда Вы такие названия непонятные берете: мед, тер-мит-ник?

– Откуда беру? Из прошлой жизни. А у вас, значит, это Жуткие заросли? – Сэм вздохнул и помрачнел. – Ладно, можно и так... Вот в этих зарослях в красном холмике я и жил первое время. Вернее сказать, ютился – тесно там, ноги едва вытянешь. А потом выяснилось, что в старой шахте работы не будет – люди новую шахту копают. Я из любопытства пошел поглядеть и на этот шурф наткнулся. В нем поселился. Место хорошее – в лесу, где никто не ходит, ручей рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.